

Пастухов Николай Иванович

**Разбойник Чуркин народное
сказание "Старого знакомого"**

Часть 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович П.**
Разбойник Чуркин народное сказание "Старого знакомого": Часть 3 / Пастухов Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 254 с.

ISBN 978-5-521-27334-8

ISBN 978-5-521-27334-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Подходили праздники Рождества; у кузнеца и старосты деревни продолжались приготовленія къ свадьбѣ; въ томъ и въ другомъ домѣ сидѣли бродячіе портные и шили обновы; у невѣсты собирались красныя дѣвицы, пѣли пѣсни и усердно старались утѣшать Степаниду, которая все плакала въ утайку отъ отца и матери.

— Будетъ тебѣ слезы-то лить, — не на чужую сторону отдаютъ, говорили ей дѣвицы.

— Ахъ, подружки мои, не о томъ я плачу; отдаютъ меня за нелюбимаго, парня некрасиваго, засушить онъ мою молодость, рыдая, отвѣчала имъ невѣста.

— Ничего, поживется и полюбится онъ тебѣ, молодецъ онъ скромный, не взбалмошный какой, да и семья небольшая, убѣждали Степаниду подруги.

— Не за него-бы мнѣ идти, уродъ онъ, вотъ что.

— За кого-же тебѣ хотѣлось? пристали къ ней дѣвицы.

Степанида, вмѣсто отвѣта, снова заплакала; ея бѣлая грудь волновалась, въ головѣ бродили мысли о томъ прикащикѣ, который былъ у нихъ въ гостяхъ съ урядникомъ изъ Тагильскаго завода. Полюбился онъ ей, но увы! — «не суждено, знать, быть, красной дѣвицѣ за нимъ замужемъ», думала она и плакала.

Въ избу вошелъ староста. Дѣвицы приумолкли; Степанида не поднимала на отца заплаканныхъ глазъ.

— Что вы, дѣвки, присмирѣли, хоть-бы пѣсенку какую спѣли, сказалъ онъ, остановившись посрединѣ избы.

— Пѣли, да замолкли, отвѣчали какія побойчѣе.

— А ты, Степанида, что голову-то повѣсила? или опять слезы? Дешевы, знать, онѣ у тебя? обратился онѣ къ своей дочкѣ.

— Какъ же ей не плакать? Замужъ, вѣдь, отдають, сказала одна изъ подругъ невѣсты, чернобровая вострушка.

— Ты, Анютка, молчи, тебя не спрашиваютъ, сурово замѣтилъ старикъ.

— Не спрашиваютъ. — а если спросили-бы, я сказала, — отчего она плачетъ.

— Много ты знаешь! Всѣ вы такія: какъ замужъ, такъ и ревѣть начнете.

— Ну, не всегда! Кто плачетъ, а кто и радуется. За немилаго выходить кому охота! ввернула другая.

— Да, развѣ, она за немилаго у меня идетъ?

— А то что-жъ? заголосили дѣвицы.

— Небось, сама выбрала.

— Спроси-ка-сь самъ ее, если намъ не вѣришь.

Староста подошелъ къ своей дочкѣ, поднялъ ей рукою голову и спросилъ:

— Говори: насильно, что-ли, я тебя выдаю?

— Батюшка, пожалѣй меня, не выдавай за сына кузнеца, не любъ онѣ мнѣ.

— Вотъ-те на!... Это что такое? притопнувъ ногой, закричалъ старикъ.

— Отдай ты меня за того прикащика, который за меня сватался, упавши передъ отцомъ на колѣни, говорила Степанида.

— Ужъ не околдовалъ-ли онѣ тебя? Да что въ немъ хорошаго? Нѣтъ, не бывать тому! Ты, дѣвка, не дури, не срами моей сѣдой головы; за кого я порѣшилъ, за того и выдамъ.

— Батюшка, не жить мнѣ за нимъ, руки на себя наложу! вскрикнула Степанида и, залившись слезами, склонилась головою на столъ.

— Вонъ отсюда! Это вы ей все наговорили, затопоталъ староста на подругъ невѣсты.

— Уйдемте, дѣвушки, онѣ, пожалуй, и приѣдетъ насъ; вишь какой, дочки не жалѣетъ, а мы для него ничего не значимъ, сказала Анюта, накидывая на себя шубку.

Вошла мать невѣсты, обвела кругомъ глазами и спросила у старика:

— Ты что ихъ здѣсь пугаешь?

— Кто ихъ пугаетъ? Онѣ раздоръ вносятъ... Вонъ ихъ изъ моей горницы! горячился міроѣдъ.

— Не твое дѣло, ступай отсюда, нагинулась на него старуха, подошла къ Степанидѣ и спросила:

— Что такое случилось?

— Ничего, матушка, отвѣчала та, утирая кисейнымъ рукавомъ слезы.

Старикъ плюнулъ, выругался и вышелъ. Старуха начала успокаивать дочку и упросила дѣвушекъ остаться.

— Изъ-за чего дѣло-то вышло? спросила она у нихъ.

— А изъ-за того, что дочку-то свою вы погубить хотите, заговорили дѣвицы.

— Что вы, не ума-ли рехнулись? покачивая головой, вымолвила старостиха.

— Мы-то ничего, а вы изъ ума выжили, выскочивъ впередъ, напустилась на нее Анята.

— Не слушай ты ихъ, мое солнышко, родители тебѣ зла не пожелаютъ, обратилась старостиха къ дочкѣ.

— Матушка, я вѣдаю, что ты меня жалѣешь; не отдавай ты меня за кузнецова сына,—противенъ онъ мнѣ.

— Голубка ты моя неразумная, за кого-же я тебя выдамъ?

— Матушка, не губи меня, отдай за прикащика.

— Это что еще за притча такая? За какого прикащика?

— За того самаго, который у васъ съ урядникомъ въ гостяхъ былъ, отвѣтили за Степаниду подруги.

— Ни за что! Отдамъ-ли я ее на чужую сторону? Вотъ чего не бывать, такъ не бывать.

— Смотри, тетка, худо вѣдь будетъ.

— Ну, ладно, а васъ я, все-таки, не послушаю! Молоды вы меня, старуху, учить.

Долгій споръ кончился ничѣмъ; дѣвушки разошлись по домамъ, старуха уложила дочку въ постель, перекрестила ее и заперла въ свѣтлицѣ.

На другой день, утромъ, деревня знала уже о томъ, что происходило въ домѣ старосты; вѣсти эти дошли и до Чуркина; онъ намоталъ ихъ себѣ на усъ и подумалъ: «ишь, какъ она въ него врѣзалась, что-то будетъ?»

Въ тотъ-же вечерѣ, въ Тагильскомъ заводѣ, въ домѣ складчика Акима Петровича, по случаю дня его рожденія, собрались гости, между которыми находились: священникъ, докторъ и урядникъ. Прикащикъ Акима Петровича, оправившись отъ богѣзни, мало занимался съ гостями и больше всѣхъ разговаривалъ съ урядникомъ.

— Что вы тамъ все шепчетесь? спросилъ у прикащика хозяинъ дома.

— Такъ, Акимъ Петровичъ, кое о чемъ толкуемъ, отвѣтилъ тотъ.

— Пусть ихъ говорятъ, люди молодые, замѣтилъ священникъ.

— Оба—женишки, небось, о невѣстахъ рѣчь ведутъ, замѣтила старушка, родственница Акима Петровича.

— А ты-бы, Карповна, невѣсту моему пареньку подыскала, да подходящую, мы-бы и свадебку съиграли, сказалъ складчикъ.

— За невѣстой дѣло не станетъ, только прикажи, я высмотрю, на счетъ этого не беспокойся.

— Высмотришь! Намъ надо красивую, да богатую, женихъ-то у меня стоитъ того.

— Нѣтъ, Акимъ Петровичъ, обо мнѣ не беспокойтесь, я жениться не буду, сказалъ прикащикъ.

— Что-жь? бобылемъ останешься или въ монахи задумалъ? нахмурилъ брови, проговорилъ складчикъ.

— Такъ вѣкъ промыкаюсь. Куда мнѣ жениться? Жену нужно покоить, а я что? — Сегодня у васъ служу, а завтра откажете; куда я дѣнусь? На квартиру придется идти, а одна голова не бѣдна.

— Нечего на него глядѣть, Карповна! завтра-же займись на счетъ невѣсты, да имѣй въ виду, что все свое достоинство послѣ моей смерти я передаю жениху. Слышишь, такъ и заруби себѣ на носу, сказалъ Акимъ Петровичъ и сталъ ходить по комнатѣ.

Всѣ гости уставили на него глаза; никто не ожидалъ отъ Акима Петровича такого рѣшенія; даже самъ докторъ позавидывалъ ему.

— Не надо мнѣ его богатства, тихо сказалъ прикащикъ, обращаясь къ уряднику, мое богатство не здѣсь, а въ Решахъ, въ домѣ деревенскаго старосты, прибавилъ онъ.

— А намъ-то, роднымъ твоимъ, ничего и не завѣщаешь? прошипѣла Карповна.

— Это дѣло мое, сверкнувъ на нее глазами, высказался Акимъ Петровичъ.

— Родныхъ забывать грѣхъ, ввязался въ разговоръ священникъ.

Старикъ не слыхалъ словъ батюшки или пропустилъ ихъ мимо ушей, уходя въ другую комнату. Гости, замѣтивъ, что бесѣда перемѣнилась характеромъ, стали собираться во-свояси, и черезъ полчаса въ домѣ остался одинъ только урядникъ. Акимъ Петровичъ заперся въ своей спальнѣ и больше уже не выходилъ изъ нея.

— Ну, что изъ Решей нѣтъ никакихъ извѣстій? провожая урядника, спросилъ у него прикащикъ.

— Никакихъ, отвѣтилъ тотъ.

— И Наумъ Купріянычъ что-то не ѣдетъ!

— Къ празднику, можетъ быть, явится.

— Не побывать-ли намъ у него?

— Что-жь, можно, а мнѣ кстати и дѣло туда есть.

— Поѣдемъ.

— Когда думаешь?

— Мнѣ все равно, хоть завтра.

— Ну, ладно, значить, по рукамъ.

— Идетъ, только отпустить-ли тебя самъ-то?

— Отпустить, такіе резоны представляю ему.

Пріятели разстались, а на утро парочка лошадокъ несла ихъ по направленію къ Решамъ.

Въ семействѣ убитого разбойниками купца Ларіона Николаевича, въ виду долгаго его отсутствія, стали беспокоиться. Жена и дѣти его знали, куда и зачѣмъ онъ поѣхалъ, и удивляясь только тому, гдѣ онъ запропастился. Наконецъ, вышли изъ терпѣнія и заявили о томъ полиціи въ Верхотурѣ.

— Э, да вернется, куда онъ дѣнется, сказали имъ полицейскіе.

— Три недѣли прошло, а его нѣтъ; нарочныхъ повсюду посылали, какъ въ воду кануль, нигдѣ не нашли, объясняли старшій сынъ погибшаго.

— Куда онъ у васъ поѣхалъ?

— Въ Тагильскій заводъ, за полученіемъ денегъ.

— Можетъ, тамъ бражничаютъ, а то еще куда-нибудь заѣхалъ.

— Справлялись: говорятъ, «былъ въ Тагилѣ, получилъ деньги и уѣхалъ».

— А по какой дорогѣ?

— На деревню Реши; оттуда нужно было ему въ село одно, на мельницу заѣхать, а тамъ не былъ.

— Въ полѣ гдѣ не замерзъ-ли? Вишь, какіе морозы, да мятели стояли, народу много погибло, говорили полицейскіе.

— Вы ужъ похлопочите!

— Чего-же намъ хлопотать?

— Пошлите справиться, куда онъ дѣвался. Мы васъ за это поблагодаримъ.

— Дѣло не въ благодарности, ласковѣ повели разговоръ полиціавты, а въ томъ, гдѣ справки навести?

— Въ Тагильскомъ заводѣ, какъ и съ кѣмъ онъ и когда оттуда выѣхалъ.

— Хорошо, постараемся.

Въ тотъ-же день въ полицію Тагильскаго завода было послано отношеніе о розыскахъ купца Ларіона Николаевича, поступившее затѣмъ къ мѣстному становому приставу, который и поручилъ уряднику навести о томъ справки.

Урядникъ собралъ о купцѣ свѣдѣнія, по которымъ выяснилось, что Ларіонъ Николаевичъ, получивъ съ мѣстныхъ хлѣбныхъ торговцевъ деньги, въ извѣстный день выѣхалъ въ Реши.

Дорогою, урядникъ разсказалъ прикащику дѣло, по которому ему нужно было побывать въ той деревнѣ, и между прочимъ замѣтилъ своему спутнику:

— Надо и намъ съ тобою быть на всякій случай поосторожнѣй, вишь, какъ пошаливать здѣсь начали.

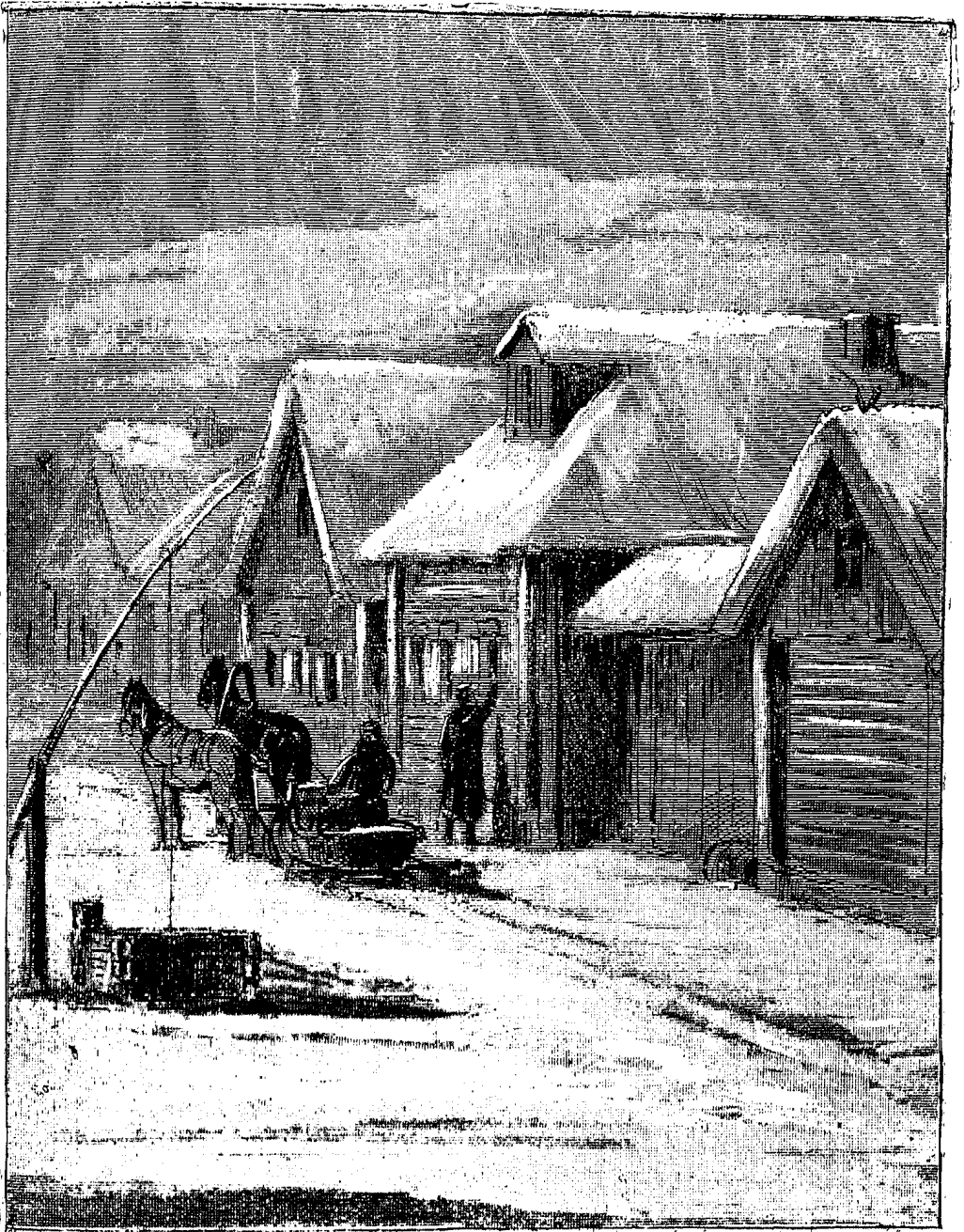
— Взять-то у насъ нечего, сказалъ тотъ.

— Разбойники этого не разбираютъ, — за грошъ убьютъ, имъ все равно. Я полагаю, что самага купца уходили, денегъ при немъ много было.

— А сколько? полюбопытствовалъ прикащикъ.

— Тысячъ около десяти. Подглядѣли за нимъ, и капуть.

— Это только тебѣ такъ думается, а, можетъ быть, купецъ гдѣ-нибудь и запутался.

— Гдѣ запутаться? Онъ ужъ не молоденькій и, по слухамъ, не кутила.

— Можетъ, и замерзъ дорогою.

— Все можетъ случиться.

— Кому что! Тебѣ вотъ купецъ этотъ дался, а у меня Степанида не выходитъ. Женить меня хотятъ, а того не знаютъ, что у меня на душѣ лежитъ.

— Такъ что-жъ теперь дѣлать-то? Насильно ее не возьмешь, сказалъ урядникъ, подстегивая лошадку.

— А если возьмемъ, тогда что будетъ?

— За это подѣ судъ.

— Будетъ тебѣ меня пугать! Ну, отдадутъ, такъ что-жъ, посижу въ острогѣ, и опять выпустятъ, а Степанида будетъ все-таки моя.

— Надо еще узнать, любить-ли она тебя?

— Если-бы не любила, я и говорить-бы о томъ не сталъ, а то любить,—вотъ что.

— Надо Наума Купріяныча за бока, — онъ мужикъ смѣтливый, съ его помощью, можетъ, и удастся тебѣ завладеть своей красавицей.

— Да, на него только и надежда, заключилъ прикащикъ, подѣвжая къ Решамъ около полуночи.

— Небось, теперь вся деревня на покоѣ, будить придется, замѣтилъ урядникъ.

— Что-жъ, отопрутъ, люди свои. Къ старостѣ или къ Науму Купріянычу заѣхать?

— Къ нему, что старосту тревожить, пожалуй, еще напугаешь невѣсту твою, шутливо высказался урядникъ, и они подѣхали къ дому Чуркина.

LXV.

Урядникъ вышелъ изъ саней и постучался въ окно; отвѣта не было. Онъ началъ барабанить шибче. Слышно было, что въ избѣ кто-то поднялся; въ окнѣ появилась чедовѣческая фигура и окликнула:

— Кто тамъ? что нужно?

— Отоприте, свои люди! кричалъ урядникъ.

— Сейчасъ, послышался отвѣтъ.

Это была Ирина Ефимовна. Она вышла въ сѣнцы, разбу

дила Чуркина и сказала ему, что какіе-то пріѣзжіе просятъ въ избу.

— А кто такіе? спросилъ разбойникъ.

— Не знаю; говорятъ, что знакомые.

— Осипъ, встань, да погляди, кого тамъ принесло. Если знакомые, топусти, сдѣлалъ распоряженіе Василій Васильевичъ.

Осипъ поднялся, обулся, накиннулъ на себя тулупъ, отперъ ворота и, протирая глаза, окликнулъ:

— Что за люди?

Прикащикъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Что, братъ, или не узнаешь?

— А, здравствуйте, милости просимъ, проговорилъ ка-торжникъ.

— Наумъ Купріянычъ дома?

— У себя; съ кѣмъ вы?

— Съ урядникомъ; въ гости къ вамъ пріѣхали.

— Пожалуйте, я вотъ ворота отопру, да побѣгу сказать о васъ хозяину.

Урядникъ съ прикащикомъ ввели на дворъ лошадей. Чуркинъ одѣлся на-скоро и вышелъ на крыльцо съ зажженнымъ фонаремъ, а Осипъ отправился въ избу, извѣстивъ Ирину Ефимовну о томъ, кто пріѣхалъ, зажегъ свѣчу, привелъ въ порядокъ комнату и встрѣтилъ гостей съ низкими поклонами.

— Наумъ Купріянычъ, ты ужъ насъ извини, что не во время пожаловали, заговорилъ прикащикъ.

— Весьма радъ дорогимъ гостямъ! Осипъ, ставъ самоваръ. Есть, что-ли, вода-то? сказалъ разбойникъ.

— Готова, отвѣтилъ тотъ и принялся разводить самоваръ.

— Ожидаль-ли ты насъ въ гости-то? спросилъ у Чуркина урядникъ, усаживаясь на лавку.

— Какъ не ожидать? Вы давно обѣщались.

— Ничего не подѣлаешь, вотъ онъ у насъ чуть не померъ, показывая на прикащика, сказалъ чинъ полиціи.

— Вотъ этого я и не зналъ, пожимая какъ-бы отъ удивленія плечами и уставивъ на прикащика глаза, произнесъ разбойникъ.

— Да, Наумъ Купріянычъ, чуть-чуть разбойники не отправили меня на тотъ свѣтъ, проговорилъ молодой парень.